

КАТЮША

© А. Н. КОЖИН,
доктор филологических наук

Новое оружие, выступавшее под индексом “БМ-8” в начале Великой Отечественной войны, было секретным.

Такое оружие не могло иметь профессионально ориентированного наименования: оно могло раскрыть то, что ни в коей мере не должно было быть известно противнику.

В целях конспирации такая боевая установка после каждого залпа перемещалась в безопасное место при тщательной маскировке.

В солдатской среде это оружие стало восприниматься как сверхмощная пушка, что нашло отражение в устном творчестве: “Наша пушка – не игрушка. Это знает целый свет. Как ударит наша пушка, Так полсотни фрицев нет” (Русские частушки. М., 1956. С. 383).

Новое оружие начинало обретать сокращенное обозначение “РС” – реактивные снаряды. Такие снаряды были известны летчикам. Они разрабатывались в довоенное время и были испытаны в августе 1939 года. Затем реактивные снаряды, то есть “ЭРЭСЫ”, были приняты на вооружение в Красной Армии как грозное средство борьбы с самолетами.

тами противника: “Пулеметы брызнули свинцовыми струями. РС вошел в тело истребителя” (Лобанов Л. Всем чертям назло. Хабаровск, 1985. С. 34). В начале 1940 года для установки реактивных снарядов была создана наземная пусковая установка, ее называли реактивной артиллерией. Эта подвижная наземная пусковая установка реактивных снарядов была испытана в том же году.

По материалам Н.М. Афанасьева (Подвиг первых ракетчиков. Чебоксары, 1965), летом 1941 года в Московском артиллерийском училище стали формировать отдельную батарею реактивной артиллерии, которая была направлена на Западный фронт. Вскоре состоялся ее первый залп по железнодорожному узлу Орша, где скопилась вражеская техника и живая сила: “Из ложины донесся ни с чем не сравнимый рев и скрежет, леденящий кровь (...) Вверх вырвались огромные черные клубы дыма, а из него взметнулись ввысь около сотни красных ракет. Они оставляли за собой ясно видимые беловатые струи быстро таявших в воздухе газов (...) Через пять-шесть минут после залпа железнодорожный узел превратился в море огня, над которым, словно волны, клубился густой дым” (С. 56).

По словам Н.М. Афанасьева, батарейцев не устраивало официальное название их батареи (Отдельная экспериментальная батарея реактивной артиллерии Резерва Главного Командования), поэтому в своем кругу ее называли “катюшей” или “Раисой Семеновной”. Более того, на мотив песни о Катюше появились слова:

Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов вой,
Выезжала из лесу “катюша”
На рубеж знакомый – огневой.
Выезжала, мины заряжала
Против немца-изверга, врага.
Ахнет раз – и роты не бывало,
Бахнет два – и нет уже полка.

(Афанасьев Н.М. Первые залпы. М., 1982. С. 59).

Реактивные установки в среде фронтовиков начинают обозначаться сокращенно – по способу действия мины (реактивного снаряда), поэтому “РС” становится определяющим обозначением машины, боевой установки, которая наносит удар по врагу разрывом реактивного снаряда: «Солдаты противника в панике бросились бежать назад. “ЭРЭСЫ” оказались сильнейшим оружием» (Еременко А.И. Помни войну. Донецк, 1971. С. 140).

Сокращенное обозначение нового оружия в речевых ситуациях развертывается в словосочетание и начинает выступать в роли словообразовательной базы для прилагательных, указывающих часть, под-

разделение и иные виды воинской организации: слово *реактивный* образует устойчивое обозначение: *реактивная установка*: «Впервые на нашем участке фронта действовала батарея *реактивных установок*, так называемые “катюши”» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980. С. 40).

Ассоциативные связи способствуют возникновению разговорно-приравнительных обозначений. Под давлением соотнесенности с профессионально близким и привычным обозначением средства поражения (установка артиллерийская, самоходная артиллерийская, самоходная зенитная, счетверенная, минометная, пулеметная и др.) появляются названия женского рода: *гитара, катюша, маруся, раиса*. Письма и воспоминания ветеранов позволяют полагать, что слово “катюша” не было первоначальным названием грозного оружия: «Наши “гитары” (так бойцы называли первоначально гвардейские минометы. И только позднее они стали называться “катюшами”) наводят страшный ужас на фашистов. “Гитара” – это такое мощное орудие, что ты и представить не можешь. Черт знает, что за русские изобретатели! Мы близко наблюдали, как разрываются снаряды “гитары”. Все уничтожалось к черту, и мокрого места не остается» (Герои и подвиги. Саратов, 1981. С. 97).

Слово “катюша” начинает занимать лидирующее положение: «Бойцы, стрелявшие с установок, называли машину “маруся”; солдаты-пехотинцы (...) окрестили “марусю” в “катюши”» (Моск. правда. 1965. № 27). В письмах фронтовиков слово “катюша” осмыслиется как название самого мощного средства поражения: «Стася, у нас есть такие пушки (...) И зовут такую пушку – “катюша”, как маму. Да? Эти пушки выпускают снаряды, как горох из рваного кармана, и прямо на головы врагам (...) Особенно дает фрицам жизни наша русская “катюша”. Она стреляет, шипит, как паровоз, а на месте, где рвутся снаряды, все переворачивает и сжигает, сразу выпускает около 20 снарядов» (Письма павших. Ярославль, 1981. С. 44, 104).

Слово “катюша” как разговорное обозначение реактивной установки залпового огня в фронтовой и центральной печати начинает разъясняться и даже мотивироваться описанием зрительных и слуховых эффектов, возникающих при восприятии боевой работы такого оружия: «Откуда-то слева послышалось исполненное шипение, как будто тысячи паровозов разом выпустили пар. Из-за деревьев вонзились в небо жгутом оранжевые стрелы. Пышный сноп огня, как распущенный хвост жар-птицы, закрыл половину неба, и звук разрывов стал непомерным, как-будто треснула земная кора” (Известия. 1943. 8 марта). С появлением в печати военно-терминологического наименования *гвардейский миномет* слово “катюша” стало теснее сближаться с военным термином, выступая в роли уточняющего определения: «в бой вступили гвардейские минометы – знаменитые “катюши”» (Герои и подвиги. Саратов, 1981. С. 157).

Многочисленный ряд составных наименований, реализующих отнесенность к понятию *гвардейский миномет* (реактивная установка, реактивная артиллерия, батарея реактивных установок, батарея гвардейских минометов, гвардейский минометный дивизион, гвардейская минометная бригада, гвардейская минометная дивизия – Военная энциклопедия. М. 1978–1980. Т. 2. С. 492), не мог приглушить активность разговорного эквивалента – слова “катюша”; это слово расширяет сферу своей сочетаемости. Более того, оно занимает прочные позиции в ряду именных сочетаний при обозначении способа поражения противника (залп катюш, огонь катюш, удар катюш), а также при сочетании с глаголами: катюша не стреляет, а *играет*; катюша не ведет огонь, а *поет* и т.п. Например: «За деревней сыграла “катюша”» (Боявая тревога. 1943. № 71).

Реактивные установки, обретшие любовно-ласковое название “ка-тюши”, имели и другие названия, выступавшие первоначально в роли параллельных разговорно-просторечных обозначений: *андрюша, маруся, рая, раиса семеновна, гитара*: «В разговоре, между прочим, я спросил Андрея Ивановича, за что наградили его орденом Трудового Красного Знамени, – “За Раису Семеновну”, – с улыбкой ответил Андрей Иванович (...) “Это у нас на заводе так называли реактивные снаряды”, проще эрэсы» (Лит. газета. 1947. 10 дек.); “Пушка есть у нас фасонная, бьет врага она – губя, Мы Раисою Семеновной все зовем ее любя” (Красный воин. 1942. № 32.); «Артиллеристы не пропустили стальные страшилища (“фердинанды”) к батарее “андрюш”» (Великая Отечественная война в письмах. М., 1980. С. 28).

Слово “андрюша”, несмотря на большую активность, не смогло пре-взойти по популярности слово “катюша”: “Все сметая, к черту руша, Истребляя подлый сброд, За Катюшею Андрюша выступает в свой черед” (Крокодил. 1943. авг.–сент.); «Наша “катюша” бьет лучше всех, не слы-хал “андрюши”» (Письма павших. Ярославль., 1981. С. 64). Этой попу-лярности, по всей видимости, способствовала широко известная в пред-военные годы песня “Катюша” М. Блантера на слова М. Исаковского. На оккупированных территориях за слова этой песни захватчики подвер-гали суровым наказаниям. Возможно, и слово “андрюша” обрело свою активность под влиянием песни “Андрюша” (слова Г. Гвидова, муз. И. Жака); так называли реактивную систему особого профиля – рамную установку – реактивную мину, обладавшую большой разрушительной силой: «У нас есть другая пушка, которая выпускает огненные шары (...) и все на головы фрицев. Такую пушку у нас зовут “андрюша”» (Письма павших. Ярославль, 1981. С. 44).

И все же песенка “Андрюша” не могла преодолеть порог массово-сти, который выпал на долю песни “Катюша”: «“Катюша” была уже большим народным словом из песни (...) бойцы окрестили этим неж-ным именем новую машину» (Л. Боровой. Путь слова. 1963. С. 345).

Слово “катюша” становится не только разговорным эквивалентом реактивной установки залпового огня – “народное название боевых машин реактивной артиллерии” (Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 324), но и обретает право быть общеупотребительным наименованием “реактивного орудия особой системы, появившегося в годы Великой Отечественной войны” (Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 1. С. 656).

Полагают, что название “катюша” восходит к букве “К”, которая являлась заводской маркой боевой установки залпового огня; при этом имеют в виду то, что в довоенные годы заводские марки боевых машин нередко развертывались в полноценное слово; так назывались подводные лодки, бомбардировщики: «Командир неслучайно ввернул в разговор “катюшу”, как называли у нас крейсерские лодки (...) было свежо воспоминание о бое, который провела зимой лодка “К-3”» (Мирошниченко П. Военное счастье // Наш современник. 1980. № 5): «“Катюша” уходила в свой первый боевой поход (...) “К-22” вступила в строй лишь в августе 1940 г.» (Политработники на фронте. Записки участников Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 36).

Следует признать, что песенная аура вывела личное имя *Катюша* в зону народных номинаций, обозначавших эффективные средства борьбы с вражеским нашествием. Это народное название гвардейского миномета стало весьма популярным в речи фронтовиков, в народно-поэтическом творчестве, в газетно-публицистических текстах и в художественной литературе: «“Катюша” дала залп через город. Воздух над головами наполнился шумом: это, набирая высоту, неслись огненные кометы» (Г. Бакланов. Южнее главного удара); “Катюши, как всегда, арии пели под утро” (К. Симонов. Дни и ночи); «За лесом скрежетнула “катюша”» (В. Курбатов. Они воевали на Прибалтийском); «“Катюши” под зеленым брезентом» (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды); «Заревели наши пушки, минометы, “катюши”» (Ф. Панферов. Борьба за мир); «Наша грозная “катюша” Приготовит завтрак свой – Не впервые фрицам кушать Борщ с приправкою стальной» (Песни в бою. Петрозаводск, 1974).

